

В класс вбежал парень-бета и тут же принялся шарить на второй парте в поисках своей столовской карты.

— Да что за чертовщина, — бубнил он себе под нос, — я же чётко помню, что оставлял её здесь...

За окном беспощадно палило летнее солнце. Одноклассник, ждавший его в коридоре, окончательно потерял терпение и гаркнул в дверь:

— Чжан Сюй, быстрее давай! Ты там карту полчаса искать собираешься?!

— Сейчас-сейчас, иду! — откликнулся тот.

Вдруг у задних парт что-то глухо звякнуло. Чжан Сюй вскинул голову, но в классе никого не увидел. Почесав затылок, он решил, что это просто птица за окном.

На самом же деле Суну Ицзэ пришлось спрятаться за партами, полуобнимая Нин Си и крепко прижимая его за плечо. Сердце колотилось где-то в горле. Он и сам не мог толком объяснить, какой порыв заставил его при появлении постороннего сгрести Нин Си в охапку и спрятаться. Неужели это чувство вины, будто его застукали на месте преступления?

Грудную клетку разрывал бешено учатившийся пульс.

"Это просто страх, — убеждал себя Ицзэ. — Если кто-то увидит нас в таком виде, отговориться не выйдет".

Нин Си, свернувшись калачиком, слегка поморщился. Напряжение в теле сменилось неудобством от столь неестественной позы. Однако физиология берёт своё: ему нравился запах Суна Ицзэ. Вжимаясь ближе из-за тесноты, он случайно задел кончиками мягких волос шею альфы.

Ицзэ вздрогнул. Опустив взгляд, он увидел пылающие алые щёки Нин Си и порозовевшие уголки его глаз. Сердце сделало ещё один кульбит.

— Ну ты и копуша! На улице жара невыносимая, ты жрать-то пойдёшь или как?! — вновь донёсся недовольный окрик снаружи.

Нин Си с трудом разомкнул веки и смутно осознал, что они с Ицзэ сидят прямо на полу. Чуть шевельнувшись и заметив странное выражение лица собеседника, он еле слышно прошептал:

— Ты чего...

Этот неожиданный голос чуть не заставил сердце Суна Ицзэ выскочить из груди. Почти не думая, он мгновенно накрыл ладонью губы Нин Си.

— Тсс, — выдохнул он прямо ему в ухо, сгорая от нервного напряжения.

Мягкость его губ отзывалась в ладони обжигающим чувством. В каждой точке касания кровь будто превратилась в жидкий огонь. Границы дозволенного смывались, уступая место волне густого, манящего жара.

Ладонь Ицзэ закрывала почти всё лицо Нин Си, оставляя открытыми лишь сияющие, растерянные глаза. На фоне бледной, как фарфор, кожи этот взгляд казался непреодолимо соблазнительным.

— Да не ори ты! Думаешь, если орать, карта сама в руки прилетит?! — огрызнулся Чжан Сюй, роясь в рюкзаке. Выудив наконец карточку, он поднял голову и неожиданно замер, почуяв густой, концентрированный аромат феромонов.

— Эй, брат, ну ты скоро?! Не найдёшь — останемся без обеда!

— Слушай... — Чжан Сюй почесал затылок. — Мне кажется или тут пипец как пахнет феромонами?

Ицзэ испугался, его хватка на плече Нин Си стала ещё крепче.

— Какими ещё феромонами?! Ты бета, у тебя что, гон начался?! — Снаружи парень окончательно вышел из себя. — Погнали уже, сынок, папа с голоду умирает!

— Ты кого сыном назвал?! — Забыв про любые запахи, Чжан Сюй с картой наперевес рванул к выходу. — Я твой папа, понял?!

В классе снова воцарилась тишина.

На фоне размеренного гула кондиционера и шума вентилятора, разгонявшего душный воздух, двое юношей сидели на полу за сдвинутыми партами.

Сун Ицзэ перевёл дыхание. Но осознав, в насколько двусмысленной, интимной позе он обнимает омегу — да ещё и держа ладонь на его губах, — он готов был провалиться сквозь землю.

Словно от удара током, Ицзэ отшатнулся, подскочил на ноги и отступил на пару шагов. Уши пылали, как два факела. В воздухе всё ещё витал сладковатый, одурманивающий коктейль из терпкого уда с горьким апельсином и мяты с белым чаем.

Нин Си ещё не совсем пришёл в себя. Увидев, с каким видом Ицзэ готовится «отдать концы», он хотел расспросить его, но альфа уже весь натянулся, как струна, избегая даже взгляда.

— Я пошёл, — одеревеневшим голосом выдавил Ицзэ и буквально сбежал из класса.

Боль полностью утихла, скованность прошла. Нин Си потёр глаза, поднялся, отряхнул брюки от пыли и, глядя вслед удравшему юноше, недоуменно пробормотал:

— И что это с ним?

Пробежав несколько метров, Сун Ицзэ перешёл на быстрый шаг. Ничего ведь не произошло, но дыхание сбилось, а сердце молотило как бешеное. Вскинув голову, он уставился в потолок коридора, изо всех сил пытаясь вернуть самообладание.

Чёрт. Это действительно было чересчур. Перебор.

Летний ветер дул порывами. За окном шелестела сочная зелень, тёплое дыхание воздуха взъерошило короткие волосы юноши.

Ицзэ в досаде взъерошил шевелюру и приложил холодные пальцы к пылающим ушам. Сгоряча поступил глупо. Надо было просто отвести его в медпункт. Какое право он имел доходить до такой близости с обычным омегой?

Он нахмурился и закусил губу до слабой боли, чтобы протрезветь. Принципы вошли в противоречие с поступками, и нужно было срочно восстановить внутренний баланс. Пора остыть и как следует всё обдумать.

В полвторого дня, как и планировалось, начались вторые пробные экзамены. Два дня непрерывных тестов изрядно измотали учеников, но градус напряжения перед очередным испытанием не снижался. Хотя этот экзамен был общешкольным, а не общегородским, к нему относились со всей серьёзностью: по сути, это была итоговая аттестация, после которой наступали долгожданные летние каникулы.

К тому же учителям дали понять, что по результатам этого «второго мока» сформируют учебные группы. Как ни крути, показать достойный результат хотел каждый.

За свою жизнь Нин Си сдал столько экзаменов, что стрессоустойчивости ему было не занимать — опыт прошлого давал о себе знать.

Прозвенел звонок. Ученики потянулись из классов к рассадочным аудиториям. Списки на этот раз формировались случайно, а не по академическому рейтингу. Войдя в кабинет, Нин Си к своему удивлению обнаружил, что попал в одну аудиторию с Суном Ицзэ. Более того — его место оказалось аккуратно перед партой альфы.

Усевшись, Нин Си радостно обернулся:

— Ицзэ! Надо же, мы в одном кабинете!

Сун Ицзэ никак не отреагировал. Он лишь равнодушно вскинул светлые глаза, излучавшие абсолютную отстранённость.

Ощувив внезапную холодность, Нин Си немного смутился и попытался сменить тему:

— Э-э... Похоже, я ластик забыл. У тебя их вроде два, одолжишь один?

— На бланковом карандаше сзади есть стёрка. Не говори мне, что ты и карандаш забыл, — ледяным тоном отчеканил Ицзэ, даже не шелохнувшись. — И вообще, я вижу ластик у тебя в пенале.

Нин Си: "..."

Эх, раскусили.

— Разговоры на экзамене запрещены, — строгим, бескомпромиссным тоном добавил Ицзэ. — Повернись обратно.

Нин Си: "..."

Да что за муха его укусила? С чего вдруг столько агрессии?

Обиженно вздохнув, Нин Си развернулся к своей парте. Ладно, сейчас экзамен, лучше не мозолить ему глаза. А вот после можно будет осторожно расспросить, почему он так резво сбежал в обед.

— Динь-динь-динь!

— Учителя-наблюдатели, раздайте бланки ответов.

Начался экзамен по родному языку и литературе. Получив КИМы, Нин Си передал стопку назад Ицзэ.

К тестированию Нин Си всегда относился серьёзно. Хотя ему приходилось искусно занижать баллы, чтобы не выбиваться из канонического образа, в уме он честно прорабатывал каждое задание. Просто не переносил ответы на бумагу.

Время текло. Выведя точку в последней строчке сочинения, Нин Си отложил ручку и глянул на часы: до конца оставалось ещё полчаса.

Он уже собирался прилечь на парту и вздремнуть — в обед толком выспаться не удалось, — как вдруг за спиной пронёсся лёгкий ветерок.

Сун Ицзэ размашистым шагом подошёл к кафедре и сдал работу наблюдателю.

Он сдал экзамен досрочно!

Нин Си подхватился было, чтобы тоже сдать бланк и догнать Ицзэ, но учитель строгим голосом объявил на весь кабинет:

— До окончания экзамена осталось тридцать минут. Досрочная сдача запрещена, продолжайте проверять работы!

Проводив взглядом ушедшего Ицзэ, Нин Си спросил:

— А почему ему можно было сдать раньше?

Учитель поправил очки и сурово посмотрел на него:

— Вот когда будешь занимать первое место в параллели на каждом экзамене, я и тебе разрешу уходить раньше.

Нин Си: "..."

В прошлой жизни — без проблем, а вот сейчас увы.

Сокрушённо вздохнув, Нин Си оставалось лишь зарыться носом в локти и спать до финального звонка.

После литературы наступил час ужина. Затем ученики разошлись по своим классам для самостоятельной подготовки к завтрашним предметам.

Сумерки сгущались, но заходящее солнце ещё оставляло в небе прозрачно-золотистый след. Несколько тонких перистых облаков цеплялись за край горизонта, постепенно погружаясь в ночную тень.

Нин Си пришёл к кабинету экспериментального класса и окликнул первого попавшегося ученика, выходявшего в коридор:

— Слушай, не мог бы ты позвать Суна Ицзэ?

— А, да, без проблем, — парень узнал этого омегу: тот самый, что недавно возвращал школьную форму. — Подожди секунду.

Он подошёл к парте, за которой Ицзэ углублённо решал задачи:

— Брат Цзэ, тебя там спрашивают.

Ицзэ поднял взгляд на дверь. Нин Си послушно стоял у порога, переводя любопытный взгляд с одного предмета на другой.

Опять он.

Ицзэ нужно было окончательно остыть, и видеть Нин Си прямо сейчас совершенно не входило в его планы. Опустив голову к тетради, он отчеканил сухим, ледяным голосом:

— Скажи, что меня нет.

— Э? — Ученик аж застыл в недоумении.

Сидевший впереди Чжан Циан тоже услышал этот диалог. Обернувшись и посмотрев на дверь, он удивлённо протянул:

— Брат Цзэ, это же Си-эр пришёл! А ты говоришь, что тебя нет?

Ицзэ не поднимал глаз, но в его тоне промелькнуло явное раздражение:

— Не хочу его видеть.

Чжан Циан и парчовый гонец переглянулись.

Циан беззвучно артикулировал губами: "Они что, поссорились?"

Парень пожал плечами и так же беззвучно ответил: "Понятия не имею".

— Мы не ссорились. Просто нет никакой необходимости встречаться, — буркнул Ицзэ, словно у него был третий глаз, видевший их немую пантомиму. Его голос звучал твёрдо и ровно: — Передай ему, что меня нет.

Чжан Циан с другом снова переглянулись.

М-да. Уж точно поссорились.

<http://bllate.org/book/20373/2154731>